

Так Цзян Чао и Чжан Жуйя оказались в госпитале.

Жуйя неловко поправила выбившуюся у уха прядь. В её жестах сквозило явное замешательство: она до сих пор сомневалась, стоит ли делать то, что они задумали.

— Чао, может, ты один пойдешь? — тихо спросила она.

Тот покосился на спутницу и ободряюще похлопал её по руке:

— Мы ведь уже обо всём договорились. Что, струсила перед Янь Ханем?

Жуйя промолчала, а затем негромко произнесла:

— Дело не в этом. Просто старейшина Янь и остальные члены семьи всё ещё здесь. Мы для них всего лишь младшее поколение, и если устроить откровенный скандал, нам же боком выйдет. Пусть Семья Янь сейчас на грани упадка, но двухвековая история элитного клана бесследно не исчезает. Если они по-настоящему рассвирепеют... Да, противостоять союзу наших семей они не смогут, но вот раздавить нас двоих им ничего не стоит. Не хочу рисковать своей карьерой.

Оба они служили в госаппарате, и Жуйя давно не была наивной девчонкой. Решение разорвать помолвку она приняла осознанно, руководствуясь собственными интересами и будущим своей семьи. Пусть благодаря союзу с Семейей Цзян её родственники укрепили свои позиции, лично для неё клеймо женщины, бросившей покалеченного жениха, уже успело осложнить продвижение по службе. Если теперь влиятельные Яни ополчатся лично на неё, ничем хорошим это не кончится. Минутное удовольствие от чужого унижения не стоило сломанной карьеры.

К тому же, потешить самолюбие и поиздеваться над калекой хотел именно Цзян Чао. Она же шла у него на поводу лишь потому, что не могла отказаться.

Её муж на секунду нахмурился, а затем сухо бросил:

— Не забывай, что этот визит — не просто моя прихоть. Прощупать, где у семьи Янь предел терпения, решили наши отцы вместе с нами. Так что если передумала, жаловаться мне бесполезно. Иди и объясняйся со своим родителем.

Жуйя заметно побледнела и замолчала, не находя слов для возражения.

Она всё же была его любимой женщиной, к тому же он рассчитывал использовать её присутствие, чтобы побольнее уязвить поверженного соперника. Сменив гнев на милость, Цзян Чао приобнял её за талию и примирительно шепнул:

— Да ладно тебе, не накручивай себя. Будем действовать по обстоятельствам.

Она лишь молча кивнула в ответ.

Тем временем в палате, пока старейшина Янь и члены семьи беседовали с Янь Ханем, раздался негромкий стук. Дверь приоткрылась, и на пороге показался охранник.

— Что там? — спросил старик Янь.

Постовой выглядел мрачнее тучи.

— Прибыл второй молодой господин Цзян со своей супругой, — доложил он.

Имя Чжан Жуйи он демонстративно опустил — слишком свежа была обида за преданного командира.

Старейшина Янь остался внешне безучастен. Он лишь бросил короткий взгляд на старшего внука, но на лице Янь Ханя не дрогнул ни один мускул. А вот Янь Ми мгновенно вспыхнула.

— Они? — процедила девочка с нескрываемым презрением. — Какая редкая наглость!

— Мы не принимаем посетителей, — холодно отозвалась старая госпожа Янь. — Отошли их назад.

Охранник козырнул и уже собрался прикрыть дверь, чтобы выполнить приказ, как в коридоре показались непрошенные гости. Дождаться приглашения они не собирались. Из-за спины постового раздался громкий, нарочито уверенный голос Цзян Чао:

— Янь Хань! Мы с Жуйей специально пришли тебя навестить. Да и вернуть кое-что нужно. Много времени не займем — буквально десять минут!

У Сяо Чжоу от такой беспардонности кровь прилила к лицу. Руки сами собой сжались в кулаки — будь его воля, он бы спустил наглеца с лестницы. Тоже мне, наследник благородного семейства! Никаких приличий: орать на весь госпиталь, ломиться в палату к тяжелобольному человеку без спроса... Это было уже за гранью хамства.

Внутри палаты Янь Хань спокойно произнес:

— Дедушка, бабушка, заберите Мими и сходите к отцу. Ему как раз должны проводить обследование, маме сейчас не мешает поддержка.

Старая госпожа недовольно нахмурилась, явно не желая оставлять внука наедине с этими стервятниками. Однако старейшина Янь молча поднялся и ладонью подозвал к себе внучку:

— Мими, идем. Проведаем твою маму.

Девочка внутренне бунтовала, но стоило ей встретиться со спокойным, непреклонным взглядом старшего брата, как все возражения растаяли. Понутив голову, она едва слышно прошептала:

— Хорошо, старший брат.

Старейшина распахнул дверь палаты. Старая госпожа, крепко сжимая ладошку внучки, следовала за ним. Столкнувшись лицом к лицу с главой семьи Янь, Цзян Чао и Чжан Жуйя невольно подобрались. Спеси с них заметно поубавилось. Склонив головы в почтительном поклоне, они выдавили:

— Здравствуйте, дедушка Янь, бабушка Янь.

Старик Янь одарил их ледяным кивком:

— Раз уж пришли навестить больного, поговорите. Но имейте в виду: А-Хань слаб, не смейте его утомлять.

— Разумеется, дедушка Янь, — вкрадчиво отозвался Цзян Чао.

Перед грозной фигурой отставного генерала его показная смелость мгновенно улетучилась — непреклонная воля старого воина давила физически, не позволяя распускать перья.

Чжан Жуйя залилась краской от стыда: старейшина Янь прошел мимо, даже не удостоив её взглядом. Старая госпожа, уводя за собой Мими, проигнорировала визитеров точно так же. Для них они просто не существовали.

Жуйя готова была сквозь землю провалиться от этого унижительного, звенящего пренебрежения.

Как только шаги стариков стихли в конце коридора, Цзян Чао выпрямился. Бесцеремонно распахнув дверь, он приобнял жену за талию и увлек внутрь палаты.

— Ну привет, Янь Хань. Мы с Жуйей решили тебя проведать, — приторно-заботливым тоном начал он, проходя к кровати. — Как самочувствие? Поговаривают, вчера ночью у тебя опять был приступ? Как твои ноги, полегче?

Говоря это, он бесцеремонно устался на одеяло в ногах больного, словно силой взгляда пытался проникнуть сквозь плотную ткань и рассмотреть, что осталось от некогда грозного генерал-майора.

Янь Хань оставался абсолютно невозмутим.

— Благодарю за заботу. Сейчас всё в порядке.

— В порядке? — с фальшивым сочувствием подхватил Цзян Чао. — Что-то не похоже. Столько времени прошло, а сдвигов никаких. Что врачи-то говорят? Когда на ноги встанешь, когда в строй вернешься? Хотя здешние эскулапы, видать, совсем профнепригодны. Столько мурыжить боевого офицера и не вернуть в часть... Ума не приложу, за что им только деньги платят.

Несмотря на откровенную издевку, замаскированную под дружеское сочувствие, Янь Хань сохранял ровный тон:

— О возвращении в строй не может быть и речи. Травма слишком серьезна. Врачи полагают, что в скором времени придется ампутировать ноги.

— Ампутация? — Цзян Чао сощурился, пристально вглядываясь в собеседника.

Такая обезоруживающая откровенность застала его врасплох. Янь Хань сообщил о потере ног настолько буднично и равнодушно, что Цзян Чао невольно засомневался: а не водят ли его за нос?

Чжан Жуйя пошевелила губами, порываясь что-то сказать, но в последний момент передумала и промолчала.

Цзян Чао наигранно хмыкнул, пытаясь скрыть секундное замешательство:

— Да ладно тебе, Янь Хань. Современная медицина творит чудеса, до ампутации дело точно не дойдет. Не бери в голову, отдыхай и поправляйся.

Янь Хань коротко кивнул:

— Возможно. Так что за вещь ты собирался мне вернуть?

— Ах да, чуть не забыл, — усмехнулся Цзян Чао и требовательно посмотрел на жену. — Жуйя, доставай.

Жуйя окончательно утратила краски. Слегка подрагивающими пальцами она вытянула из

сумочки небольшую бархатную коробочку.

— Я... наткнулась на это, когда перебирала вещи, — выдавила она, избегая смотреть Янь Ханю в глаза. — Теперь, когда я замужем, мне не пристало хранить подобное. Я пришла вернуть это тебе.

В коробочке покоилось обручальное кольцо, которое когда-то подарил ей Янь Хань.

Это был неприкрытый, расчетливый плевок в душу.

Но тот, кого пытались растоптать, даже бровью не повел. Он лишь спокойно кивнул:

— Действительно, ни к чему. Спасибо, что избавили от необходимости ехать за ним.

Эта непрошибаемая стена, это ощущение, будто бьешь кулаком в подушку, привело Цзян Чао в бешенство. Он рассчитывал увидеть боль, ярость, хотя бы тень унижения на лице соперника. Но бывшая невеста возвращает кольцо, а этот калека даже не поморщился! Изнутри его так и подмывало обозвать Янь Ханя жалким трусом и ничтожеством, но положение в обществе накладывало свои ограничения — опускаться до базарной ругани он не смел. В итоге ему не осталось ничего другого, кроме как выплюнуть еще пару язвительных колкостей и, демонстративно прижав к себе Чжан Жуйю, покинуть палату.

Стоявшего у двери Сяо Чжоу буквально трясло от злости, рука сама тянулась к кобуре. А в палате Янь Хань по-прежнему лежал в абсолютной тишине, и его взгляд оставался чистым и безмятежным, словно гладь глубокого озера, не потревоженная даже легким дуновением ветра.

<http://bllate.org/book/18354/1761818>